

Птица пустыни

Шёл демон по пустыне, позавидовал её свободе и захотел сделать ей больно. А пустыня в те времена не была ни раем, ни адом. Была она прекрасно пуста и лучезарно возможна. Нечему было причинить тут боль.

Посмотрел демон в небо и увидел над пустыней птицу.

Она летела высоко-высоко, только зрением и можно было тронуть её. Но у демонов нет границ. Стал он величиной с пустыню, ростом с небо и в один миг съжёт птицу раскалённым дыханием своей ненависти. Она и не поняла, что стала пеплом, и тень её всё ещё двигалась по песку пустыни, а её уже не было. Топнул демон ногой, прижал тень. Застыл на песке контур птицы. С неба пепел падает, а ему мало этого. Прижал тень к песку, обвёл когтем. «Лежать тебе вечно по воле моей», — говорит. Лежит песчаная птица, ничего не понимает, себя не знает, не чувствует. Падает с неба лёгкий пепел на лёгкий песок. Тысяча лет прошла — одна, другая. Завелась у птицы птичка на месте сердца, раз дрогнула, другой, а демон тут как тут. Посадил пепёлку в клетку, проткнул клетку копьём, превратился сердечный птенец в чёрный камень, и клетку песком занесло. Придумала птица зелёный себе позвоночник — демон его в ископаемую кость превратил, занесло кость песком. В животе у неё окно вырезал, грудь верёвками завязал, хвост камнями прижал. Взмахнула контурная птица головой, приподняла тень над песком — а демон на страже. Надел на неё белую маску, в глазную прорезь меч воткнул, в другую — флаг поставил. «Быть тебе вечно здесь по воле моей», — говорит.

Лежит песчаная птица, петь не может, улететь не в силах. Мысли выпускает в пустыню, а они далеко уйти не могут, вокруг неё бродят. Выпустила птица на волю световую девушку, полетела световая девушка к солнцу за помощью. На полдороги поймал её демон, разделил на половинки. Верхнюю половину спрятал в камень, нижнюю — в другой, разбросал камни по пустыне. Выдумала птица младенца, чтобы он вырос и стал человеком — поймали младенца чувства, ни покормить не могут, ни напоить. Выдумала Добрушу — демон её головой в песок засунул, юбки ей растрепал, сделал её большой-большой: некуда, говорит, тебе идти, такой громадине, люди тебя за человека не по-

считают, торчи лучше здесь из песка, всё не так стыдно. Выдумала птица костёр и тех, кто ждёт, а демон их запер. Темнотой окружил, пустил по пустыне смерти разные. Лежит птица от веку и до веку, и нет её — один песок, белая маска, клетка с камнем внутри, окно в животе и верёвки на теле. Уже и демон умер, а она всё лежит и ни о чём больше не думает.

Шёл белый ягнёнок куда глаза глядят, зацепился ногой за подземную верёвку. Огляделся — далеко видно здесь. В одном углу чучело сидит, смотрит, как младенец плачет, и улыбаётся по-чучельски. В другом углу огонь погас, дом в землю ушёл, и те, кто ждёт, забыли, что значит слово «ждать». Свет молчит в камнях замурованный, летают смерти разные, Добруша-великанша камни глотает, всё больше становится, а под всем этим, глубоко-глубоко, лежит она, обведённая дьявольским когтем — Птица пустыни. Налетели смерти на белого ягнёнка, обступили со всех сторон — и ничего ему не сделали. Прикоснуться не смогли. «Бессмертный, бессмертный!» — в уши кричат.

— Я освобожу вас, смерти разные, если моё желание совпадёт с вашим желанием. Хочу, чтоб вы были другими и свободными, — говорит им белый ягнёнок.

— Хотим, хотим! — кричат смерти. — Сделай нас ветрами и дождями, облаками-гучами!

— Станьте, — сказал ягнёнок, и пропали смерти, как не было. А он к камням пошёл. Разбил камни, достал куски световой девушки:

— Я восстановлю тебя, если моё желание совпадёт с твоим желанием, — говорит ей. — Хочу, чтобы ты была живой и свободной.

А она не хочет. Слезами захлёбывается и в песок зарывается, уподобляет верхняя половинка от нижней, прирастать отказывается, а кровь из неё так и хлещет, только песчаная кровь у неё, и слёзы тоже песчаные.

Позвал ягнёнок Гуань Инь. Та спустилась. Протягивает руки к световой девушке, а та кричит, воет, нору роет — под землю прятаться. «Подождем», — решила Гуань Инь. Ну, ей видней. Пошли они к Добруше. Перевернули Добрушу, голову из земли выгнали. Гуань Инь ей песок из волос вытряхнула.

— Я преобразу тебя, если моё желание совпадёт с твоим желанием, — гово-

рит ей ягнёнок. — Хочу, чтобы ты была собой.

Закрыла Добруша лицо руками, каждая рука как бревно, лицо — скалой, глаз не видно:

— Я такая большая, стыдно, стыдно!

— Скажи, чего ты хочешь. Я преображу тебя.

— Хочу не есть камни. Хочу не быть камнем. Верни меня, ягнёнок, верни мне меня! — и стала маленькой-маленькой, неутомимой волшебной бабочкой полетела вдаль.

— Пойдём к чучелам, — говорит ягнёнку Гуань Инь, — там ребёнок чуть жив.

Пришли. Ничего не спросил ягнёнок у ребёнка, сразу сказал: «Вырасти!» Взяла его на руки милосердная, стал он расти не по дням, а по часам. Огляделся, удивился: «Я вырос пастухом. Где же мои стада?» — прибежали к нему белые животные, выросли зелёные травы. Новый ветер налетел, а с ветром — запах дыма. «Кто-то ждёт меня!» — крикнул пастух. — «Я иду!» — и ушёл, побежал, заторопился к погасшему костру, к оставшему дому, и новый ветер был с ним, и белые стада шли за ним.

А Гуань Инь с ягнёнком вернулись к световой девушке. Она по-прежнему была в норе, и от ласковых слов ей было всё хуже и хуже. Тогда Гуань Инь отправила к ней одну из своих рук. Превратилась рука в немую Мать Пустыни с кувшином воды в руках. Когда верхняя половинка световой девушки увидела кувшин, она выглянула. Мать Пустыни ни слова ей не сказала, в глаза не взглянула. Прошла мимо. Остановилась только на минуту и дала ей глотнуть из кувшина. И вместо песчаной потекла из неё кровь световая, и стало так светло, как будто вместо одного солнца светило десять. Закричала световая девушка от боли и света: «Соедини меня! Выпусти меня!», спросила её половинки, расправились лучи, полетела она в солнце.

Добруша летает среди людей, световая стала солнцем. У костра пастух сидит с теми, кто дождался. Белые стада пасёт на зелёной траве. Другое дело — что делать с птицей. Дождались ночи ягнёнок с Гуань Инь, развели огонь. Прилетела на огонь волшебная бабочка, затанцевала в пламени Душа света, пришёл пастух с семьёй, подошли белые лошади, овцы, коровы. Все собрались вокруг ночного огня. Проступила на поверхности Птица пустыни.

Подошла к ней Гуань Инь: «Я закрываю окно в твоём животе, песчаная птица. Это не твоё окно, тебе оно не

нужно». Выбросила она оконную раму в костёр, стало окно белым дымом.

Подошёл пастух: «Я забираю меч из твоего глаза, песчаная птица. Это не твой меч, это не твой глаз. Это тебе не нужно».

Протянула руки Душа света: «Я убираю верёвки, птица. Они не ты». Бросила верёвки в огонь, стали они белым дымом.

Выросла бабочка до прежней Добруши: «Я снимаю с тебя маску, птица пустыни. Не это твоё лицо. Это тебе не нужно». Вывернула из песка маску вместе с флагом в левой глазнице, кинула в огонь. Стали они белым дымом.

Камни на хвосте были такими тяжёлыми, что их тащили все белые животные, долго тащили, но как только искры костра упали на них, камни тоже стали дымом.

Наконец, вошёл в её очертания белый ягнёнок. Вытащил копыё из клетки, открыл клетку, выскочил оттуда чёрный камень. Взяла его Гуань Инь, прижала к сердцу. Стал камень пепельным птенцом. Бросила его в огонь Гуань Инь, и вылетел он из огня птицей-феникс. Долго сидел феникс там, где было сердце песчаной птицы, отворачивался, мёрз. Наступало утро.

«Я всегда с вами», — сказала Гуань Инь, исчезая. «Пора домой», — сказал пастух.

А феникс подлетел к белому ягнёнку, сел ему на спину. Они вместе шагнули в пламя и стали белым светом. Когда свет перестал быть виден, на месте костра в память осталось маленькое озеро. Оно росло, как ребёнок, и скоро стало больше. На его берегах пасутся белые животные, бегают правнуки пастуха, живут дожди, смеётся ветер. Ещё там есть медведи и птица-колпица, и на одном из берегов построили свой город дети света, а в ясную ночь, говорят, можно на секунду увидеть за горизонтом землю Аслана.

Это и есть последняя песня Птицы пустыни.